
ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Флиер А.Я.

ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА*

Flier A. Ya.

The dominant ideology of cultural policy

Среди многообразия целей культурной политики, по мнению автора, выделяется одна цель, являющаяся наиважнейшей. Это внедрение *государственной идеологии* в массовое сознание населения. «Я полагаю культурную политику одним из главных инструментов такого внедрения, причем осуществляющей это наиболее мягким, ненасильственным способом. Конечно, государственная идеология запрещена Конституцией Российской Федерации; но это только декларация. Ни одно государственное образование не в состоянии обходиться без идеологии, и фактически запрещено лишь преследование людей, придерживающихся иной идеологии. Сама идеология является специфической мифологией власти, а власть не может нормально функционировать без мифа о себе. Такова природа власти» (с. 375).

Современная государственная идеология России, пишет А. Флиер, может быть определена как *этатизм*, с характерной для него абсолютизацией эффективности государственной машины («вертикали вла-

---

*Флиер А.Я. Господствующая идеология и культурная политика // Мир культуры и культурологии: Альманах научно-образовательного культурологического общества России. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017–2018. – Вып. 6. – С. 374–379.

сти»), приоритетом государства и политической власти над обществом с его общественным самоуправлением и т.п. Этатизм – это одно из направлений консерватизма, опирающееся на приоритет не этнического (как в национализме) и не религиозного (как в клерикализме), а именно политического начала на идею государства (от фр. – *État* – государство) как наиболее эффективной формы социальной организации по сравнению с иными формами (этносом, классом, конфессией). Отсюда и такая неприязнь власти к либерализму, отстаивающему диаметрально противоположную идею о приоритете гражданского общества над государством и ограничение государственных полномочий только правом применять насилие. Российская культурная политика, естественно, тоже стоит на позициях этатизма, т.е. государствоцентризма.

Начиная с Петра Великого в государственную идеологию стала жестко внедряться идея сакрализации самого *института государства*, как высшей ценности национального существования. Эта идея оставалась актуальной в Российской империи в XVIII–XIX вв., при советской власти в XX в., сохраняет свою системообразующую роль в постсоветской России в XXI в. и, как представляется, будет торжествовать в стране еще долго. С этим связаны и определенные черты национальной ментальности россиян, культ «государственного служения», повышенная склонность к патернализму, ожидание реальных благ только от государства и т.п. Говорить о какой-либо демократии и общественном самоуправлении в этих условиях не приходится.

Смысл и цель любой государственной идеологии автор видит в поддержании максимальной *лояльности* населения по отношению к действующей власти. Такая лояльность включает и социальный, и национальный, и религиозный аспекты, но, конечно, основной является *политическая лояльность*, которая внедряется в сознание граждан всеми доступными способами.

Одним из них является культурная политика, как наиболее мягкая форма влияния, внедряющая лояльность в массовое сознание преимущественно средствами искусства, в процессах воспитания и образования, на разных досуговых мероприятиях и т.п.

Вместе с тем было бы ошибочным сводить все функции культурной политики лишь к обслуживанию государственной идеологии. Конечно же она решает и множество других задач по регулированию со-

циальной жизни, является одной из форм просветительства и пр. Но представляется, что по своей политической значимости все они уступают задачам обеспечения государственной идеологии.

На кого обращена культурная политика? Автор считает, что по своему отношению к власти население может быть разделено на четыре группы:

– люди активно лояльные, в основном разделяющие взгляды и оценки власти;

– люди, пассивно лояльные, а по существу равнодушные, камуфлирующие свое безразличие сентенциями типа «начальству виднее», «власть всегда права» и т.п.;

– люди фальшиво лояльные, демонстрирующие свою лояльность не искренне, а из страха перед возможными неприятностями или из прагматического расчета, что так выгоднее;

– люди, по тем или иным причинам нелояльные к власти (они далеко не всегда являются активными оппозиционерами, но власть не любят и не поддерживают).

Представляется, что люди из первой и третьей групп фактически не нуждаются в какой-либо коррекции своей позиции, а людей из четвертой группы никакая культурная политика не стимулирует к перемене их оппозиционных взглядов. Поэтому объектом воспитательной политики в основном являются люди из второй группы – пассивно лояльные, т.е. не имеющие никакой осмысленной политической позиции, а поддерживающие власть в основном тем, что равнодушны к любым ее действиям и не возражают против любых ее телодвижений. Люди пассивно лояльные не являются убежденными сторонниками власти и могут неожиданно поменять свой выбор под влиянием каких-то сиюминутных причин. На них нужно все время давить средствами СМИ и культурной политики, но в отличие от СМИ, старающихся прямо и примитивно влиять на политическое поведение современного человека, культурная политика стремится производить такое воздействие более закамуфлированно. Влияние осуществляется преимущественно через стимулирование ажиотажного отношения к *отечественной истории*, которая в заказываемых произведениях подается как исключительно великая, описывает наших предков всегда и во всем правыми, не совершившими никаких ошибок и злодеяний, а высших руководителей государства – просто святыми и т.п. Особенно

последовательно, отмечает А. Флиер, эксплуатируется тема подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Тематика этой войны и победы, похоже, стала главной *национальной скрепой* сегодняшних россиян.

Как ни парадоксально, но профессиональные историки по своим идеологическим взглядам – в основном *прогрессисты*, понимающие неповторимость истории и бессмысленность существования с «головой повернутой назад», в историческое прошлое. *Консерваторы* же, наоборот, как правило, не являются профессиональными историками и всячески эксплуатируют идею повторения прошлого. Собственно, это и есть консерватизм в самом прямом смысле – вера в то, что повторение вчерашнего есть наилучший вариант будущего. Этот консерватизм является принципиальной политической позицией власти и воспевается сегодняшней культурной политикой России.

В современных условиях (в частности российских) успешность культурной политики обеспечивается ее согласованностью с информационной политикой подконтрольных власти СМИ. Культурная политика убеждает нас в нашем историческом величии, а информационная политика – в сегодняшнем военно-политическом величии. Лазейки для сомнений не остается...

Таким образом, культурная политика есть плоть от плоти государственной идеологии, и является одним из инструментов ее внедрения в массовое сознание. В России эта задача облегчается патерналистскими склонностями населения, его верой в государство как наивысшую ценность, отношением к государству как главному источнику всех благ и пр. Успешность культурной политики измеряется главным образом масштабом лояльности основной массы населения к власти. Понятно, что эта лояльность в первую очередь зависит от приемлемости экономического положения и уровня жизни населения. Но и идеологическое управление психикой и сознанием людей, так называемый *социальный контроль*, может быть очень эффективным инструментом, и культурная политика является одним из средств такого воздействия.

Э. Ж.